

*«Мое потрясение от этого человека...» **

Начну с банальной, но, как и все почти банальности, смущающей душу своей неоспоримостью и непреложностью истины: все в нашей жизни взаимосвязано, все прошито и пронизано тысячами крепчайших, прихотливейших нитей. Они, эти нити, порой обнаруживаются в самых неожиданных местах, в самых невероятных и немыслимых сочетаниях.

Более двадцати пяти лет назад вышла моя первая тоненькая книжка, посвященная судьбе Петра Драверта – сибирского ученого и поэта, друга Вернадского и корреспондента Циолковского¹. И в ней уже упоминается фамилия героя документального повествования, к которому я сейчас приступаю, – Горбань. Фамилия его отца.

Рассказывая о морозном воскресном дне 16 декабря 1945 года – дне проводов П. Л. Драверта в последний путь, я процитировал своеобразный документ – сделанную директором Омского краеведческого музея Андреем Федоровичем Палашиновым и обнаруженную мной среди музейных бумаг «Краткую запись о похоронах П. Л. Драверта». В ней описывается траурный митинг, проходивший на месте последней службы покойного – в минералогическом кабинете музея. «Последним, – сказано в "Краткой записи", – выступил преподаватель пединститута Н. В. Горбань. Он сказал речь на латинском языке»².

Вы только представьте себе эту картину, только вдумайтесь в ситуацию. Среди полок с образцами минералов и горных пород установлен окруженный живыми цветами и

¹ Предлагаемая читателям статья – сокращенный и дополненный библиографическим описанием использованных источников и литературы отрывок из подготавливаемой к изданию книги «"Разгадать замысел Бога..." (Страницы жизни российского ученого Александра Николаевича Горбаня)». (Ред.)

сосновыми ветками гроб. Стол, на котором он стоит, покрыт расшитым золотом темно-красным бархатом. Только немногие, только сами музейщики знают: это не что иное, как извлеченная из запасников мантия последней российской императрицы Александры Федоровны, какими-то причудливыми путями попавшая после революции в Омск. Вокруг — друзья и почитатели Драверта, литераторы (среди них — молодой Сергей Залыгин), профессора омских вузов, цвет тогдашней местной науки.

Некий мрачный, чисто российско-советский юмор состоит еще и в том, что на роскошной императорской мантии возлежит старый политический заключенный и якутский ссыльный давно минувших царских времен, а скорбный и торжественный латинский текст произносит над ним недавний политзэк и казахстанско-тобольский ссыльный уже новой сталинской эры.

Впрочем, в начале 30-х гг. Драверта тоже попробовала «на зуб» репрессивная машина НКВД. Но если он отделался легким испугом (поддержали несколько месяцев в следственных тюрьмах Омска и Новосибирска и выпустили), то Николаю Васильевичу Горбаню досталось много серьезней...

Драверт и Горбань дружили. Что же касается вышеописанных похорон, то здесь два литератора все продумали, спланировали и срежиссировали заранее: между ними была договоренность — кому-то одному произнести на гражданской панихиде другого траурную речь на латыни.

Горбань. Разумеется, я десятки раз встречал эту фамилию в различных справочниках, библиотечных каталогах, статьях, листал его книжки, архивные путеводители и статьи, а бывая в Омском госархиве, видел там постоянно висящий на стене его портрет и знал, что в архиве этом хранятся в виде личного фонда его бумаги. Сейчас о Н. В. Горбане все чаще пишут, у него есть биографы и исследова-

тели – Л. П. Роцевская, И. Е. Бродский, А. В. Ремизов. Но наиболее активным, пристрастным и скрупулезным хранителем памяти об ученом была его жена, Дебора Яковлевна Сапожникова (1921–2001) – мать героя нашего повествования. Когда отмечалось 100-летие ученого, «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» впервые напечатали его не утратившую свежести и научного интереса статью «Крестьянская война 1773–1775 гг. в Западной Сибири. Последний этап»³. (По словам Д. Я. Сапожниковой, это часть докторской диссертации, которую ученому так и не довелось защитить.) Следом за статьей в «Известиях» идут биографическая справка и «Список основных работ Н. В. Горбаня», составленные Д. Я. Сапожниковой⁴. Но при этом было бы несправедливым не сказать, что все-таки наиболее полным справочным изданием о Н. В. Горбане на сегодняшний день является «Биобиблиографический указатель», изданный в Сыктывкаре в 2001 г. Л. П. Роцевской⁵. Начинается он так: «"Когда Вы узнаете, кто пишет Вам это письмо, то, возможно, сочтете его явлением призрака – я для Вас человек из прошлого. Но спешу назвать себя, чтобы снять интригующий налет этого начала. Я – вдова Николая Васильевича Горбаня". Такое письмо получила я в начале 1988 г. из Омска»⁶. Дебора Яковлевна помогала Л. П. Роцевской в работе над ее «Указателем», ее письма есть и в разделе «Из переписки Л. П. Роцевской о Н. В. Горбане»⁷.

Но пожалуй, нам не менее интересным будет заглянуть и в другое сочинение Д. Я. Сапожниковой. Оно не опубликовано, предназначено для пользования узким кругом лиц и не носит столь «официального» характера, как составленная ею биография бывшего мужа. Дело в том, что в течение сорока пяти лет Дебора Яковлевна дружила и переписывалась с видным ученым-филологом Раисой Азарьевной Резник (1915–1995). В свое время, передавая в Государствен-

ный архив Саратовской области, где хранится личный фонд Р. А. Резник (фонд № Р-3581), ее письма, Д. Я. Сапожникова сопровождала их запиской «О письмах Раисы Азарьевны Резник, о событиях и людях, в них упоминаемых». Написана эта записка (датирована 1998-м; 36 листов машинописного текста) пером горячим, взволнованным и не просто умелым: на мой взгляд, автор записки была явно не лишена литературного дарования. Данный текст, формально предназначенный для «служебного», внутриархивного пользования, фактически намного перерастает свою сугубо «техническую» роль.

Судите сами:

«Мое знакомство с Раисой Азарьевной произошло в 1944 году в Омске, куда она была эвакуирована из Москвы, где по окончании аспирантуры и защиты диссертации работала в пединституте им. Ленина. Она, как и другие эвакуированные из Москвы и Ленинграда ученые-гуманитарии, стала работать в Омском педагогическом институте, который в свой черед был эвакуирован из Омска, чтобы освободить помещение военным, в небольшой старинный город Тару⁸, расположенный на Иртыше; по реке и переправлялись на пароходах эвакуированные. В замкнутом кругу провинциальной жизни, в борьбе с бедами лихолетья эвакуированные сбились в тесный кружок. У многих были семьи. К Раисе Азарьевне из Одессы приехали родители, а из Москвы – сестра Евгения с восьмилетним сыном Витей.

Летом 1944 года пединститут возвратился в Омск. Этим же летом по окончании в Сыктывкаре Карело-Финского университета (улыбки военного времени) приехала я по путевке министерства в Омский пединститут ассистентом на кафедру литературы.

Замечательные ученые, по учебникам которых я училась и только-только сдавала экзамены, начали разъезжаться:

война шла уже к концу и по всей стране затеплились родные очаги.

Уехал Виктор Владимирович Виноградов с женой Надеждой Матвеевной, глубокие отношения с которыми у Раисы Азарьевны сложились в Тобольске и поддерживались всю жизнь. Я же еще застала и имела счастье познакомиться с Борисом Яковлевичем Бухштабом⁹ и его женой Натальей Сергеевной Мичуриной, сыгравшей значительную роль в моей судьбе.

Раиса Азарьевна с семьей и Бухштабы жили в пединститутском общежитии на втором этаже vis-a-vis. Вот здесь-то, в общежитской комнате с продыmlенными стенами, с полуразвалившейся плитой, с казенными табуретками и железными койками под солдатскими одеялами, Наталья Сергеевна, отважно перешагивая через быт, в последний год войны собирала jour-fixe'ы – так изливалась ее потребность светскости, роскоши выстроенной беседы.

Приглашались не только гуманитарии (сама Наталья Сергеевна была историком). Наталья Сергеевна – ровесница века, по ее словам, а возможно, и старше (женищина до кончиков ногтей!) – хорошо помнила дореволюционные артистические (богемные) кафе и салоны Одессы и Петербурга. Она умела отыскать в тогдашнем Омске для своих вечеров интересных людей «на заправку», они же и на десерт. Бывал обаятельный Ромуальд Иосифович Сикорский – математик, эсперантист, книжник. Его рассказ-лекцию о Лобачевском и неевклидовой геометрии помню до сих пор.

На один из вечеров был приглашен Николай Васильевич Горбань, ставший через год моим мужем. Украинский писатель, историк и архивист, он с 1931 года был в тюрьмах и ссылках. Разным формам гонения подвергался всю оставшуюся жизнь. На вечере у Мичуриной он был представлен как преподаватель латинского языка, а захватил всех присут-

ствующих рассказом о находках в Тобольском архиве, где он работал в одну из ссылок.

Мое потрясение от этого человека совпало с впечатлением Раисы Азарьевны. Это стало началом нашего сближения. А другой – особенно памятный – совместный всплеск впечатлений пришелся на 9 мая 1945 года. Так получилось, что День Победы стал отсчетом моей судьбы и не прошел мимо двух близких мне людей. Думаю, имею право на такой вывод. Весь день мы были вместе. С утра растили в общежитии принесенную для великого дня бутылку красного вина (в то время вина делились на белое – водку и красное – все прочее), закусывали принесенной каждым снедью. Потом, отделившись от разношерстной компании, оказались втроем на омских улицах. Без цели ходили, просто сливаясь с потоком возбужденных, ошеломленных счастьем и болью людей, чувствуя тепло и единение незнакомых, но до слез ставших близкими прохожих, которые приветствовали и жестами, и светлыми улыбками. Не помню, как наступил вечер и ночь пришла. Было не по-весеннему тепло. Идти в привычное убогое жилье, напоминающее об отошедших вот с этого дня военных годах, нам в молчаливом согласии не хотелось.

Общее единение не могло не сказаться и на нашем – троих – сближении. Уже не вспомнить, как мы оказались на скамейке у памятника Сталину: другого уединенного места в центре города не нашлось. Но памятник был за деревьями, а рядом – еще не расцветшие, но густо облиственные заросли сирени. Вначале – помню – был слышен шум, звуки толпы, вскрики, потом все смолкло, только звезды и мы. Долго молчали, прижавшись от волнения и прохлады друг к другу. Меня, юную, оберегая, посадили в середину. И Раиса Азарьевна, и Н[иколай] В[асильевич] были старше меня: Раиса Аз[арьевна] – на шесть лет, а Н[иколай] В[асильевич] – на двадцать два (!) года. Всю жизнь они лелеяли мою душу, они про-

щали мне невежество, глупость и многое другое. И если в моей душе пробились чуткошные живые росточки, если в ней есть место пониманию и сочувствию, то в этом – их усилия, их любовь, чуткость и благородство. Не помнить об этом нельзя. От той майской ночи веду я отсчет.

Говорили мы тихо, подолгу сидели молча. Читали стихи, больше о природе, вечности и красоте.

Несмотря на столь радостное событие, настроение наше можно назвать элегическим.

Н[иколай] В[асильевич] читал Тютчева и еще много на своей «мове». С той ночи запомнилось вот это (и потом слышанное не раз):

Стоять граби прозоро-жовті
В тумани ясно-золотім,
Хай щастья, друже, не знаишов ти,
Але на що тужить за ним.
Керуй на озеро спокою
Свої шукання молоді,
Все, що осталось за тобою, –
Лиш слід весільця на воді...

В такие часы неизбежны воспоминания – рубеж времени и жизни.

Обращение Н[иколая] В[асильевича] к своей «мове» – это тоже род воспоминаний. Р[аиса] Аз[арьевна], рожденная и выросшая в Одессе, знала «мову».

Я задремывала, склонясь к ней на плечо, а они поверх меня вели тихий разговор, ими было прожито и видено больше моего. А я и мое поколение по отношению к прошлому были «ленивы и нелюбопытны» – так воспитаны. Опомнились поздно: ушли те, кто мог бы утолить разбудившееся любопытство.

Возможно, благословенные часы той ночи, моя молодость, щенячье неразумие мое обрекли их на всепрощающую любовь ко мне. В разговор я включалась стихами Блока, Гейне, Лермонтова. Горькая ирония Гейне тушила пафос. Они-то знали Гейне не только в переводах. Зазвучали стихи в подлинниках: Раиса Азарьевна читала стихи Гюго, а Н[иколай] В[асильевич] – даже оды Горация, а от них – рукой подать до державинского «Глагол времен, металла звон» – я знала и любила эту оду.

Стало светать, тихо пошли к общежитию – проводить Р[аису] Аз[арьевну]. Потом Н[иколай] В[асильевич] проводил меня. Медленно и почти молча шли, «не соприкоснувшись рукавами». Улицы в столь ранний час были оживленнее обычного: после праздничной ночи все расплзались по своим логовам, чтобы поспеть на работу; праздников не полагалось. И мы расплзлись по логовам, но возникшее единение пришлось на всю оставшуюся жизнь.

В начале августа нам с Н[иколаем] В[асильевичем] дали в общежитии комнату, освободившуюся после отъезда Бухштабов, Р[аиса] Аз[арьевна] была постоянно с нами, но готовилась к отъезду, ведя переписку с Саратовским университетом и с Г. А. Гуковским, жившим тогда в Саратове»¹⁰.

Встречаясь с Д. Я. Сапожниковой, я, понятное дело, спрашивал ее прежде всего о сыне, ведь шел сбор материалов для книги именно о нем. Разговор же о Горбане-старшем все как-то откладывался «на потом». Но как видно, откладывать подобное никогда не следует: осенью 2001-го Дебора Яковлевна заболела и вскоре скончалась.

А. Э. Лейфер,
председатель Омского отделения
Союза российских писателей

¹ См.: Лейфер А. «Сибири не изменю!..» (Страницы одной жизни). Новосибирск, 1979. 134 с.

² Цит. по: Там же. С. 110.

³ Горбань Н. В. Крестьянская война 1773–1775 гг. в Западной Сибири. Последний этап // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1998. № 6. С. 247–259.

⁴ Там же. С. 259–262.

⁵ Рощевская Л. П. Николай Васильевич Горбань. Биобиблиографический указатель. Сыктывкар, 2001. 72 с.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Там же. С. 51–62.

⁸ Так в тексте. Следует же читать «в... город Тобольск» (на основании приведенного в деле соответствующего уточнения).

⁹ Вот как тут опять не предаться отдающим банальностью размышлениям о глобальной взаимосвязанности всего, что происходит в нашей жизни? В моей уже упоминавшейся книге о П. Л. Драверте есть глава «Пакет из Ленинграда». Пакет этот прислал мне не кто иной, как Борис Яковлевич Бухштаб, который подружился с Дравертом во время проживания в Омске, а потом, много лет спустя, помог мне при написании книги о Петре Людовиковиче, прислав ценнейшие материалы – несколько писем, газетные вырезки его дореволюционных публикаций, собственноручно Дравертом составленную «Curriculum vitae» (автобиографию) и т. д. (все позже было передано мною в Омский государственный историко-краеведческий музей в фонд личных коллекций: ОМК-8513. Личная коллекция профессора П. Л. Драверта).

¹⁰ Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-3581. Оп. 2. Д. 53. Л. 1–3.

*(«Второй архивный текст
памяти Н. В. Горбаня».
Омск, 2005)*